

Г. Н. Симаков

КИРГИЗСКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ

(КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА)

Среди богатого и своеобразного культурного наследия киргизского народа важное место занимают различные виды национальных развлечений¹. К сожалению, этой стороне национальной культуры киргизов до последнего времени этнографы не уделяли должного внимания. В трудах дореволюционных ученых и путешественников П. П. Семенова-Тянь-Шанского, Н. В. Сорокина, Ч. Валиханова, И. И. Гродекова и других имеются лишь краткие и разрозненные сведения по этому вопросу². Определенный интерес к народным киргизским развлечениям проявляли некоторые представители царской колониальной администрации и русской интеллигенции, проживавшие в конце XIX — начале XX в. на территории Киргизии. Время от времени в газетах «Туркестанские ведомости» и «Семиреченские областные ведомости» появлялись статьи и заметки о национальных видах спорта, играх и увеселениях. Однако интерес этот носил случайный и неглубокий характер.

Из этнографических работ, вышедших в послереволюционное время, краткие сведения по интересующей нас проблеме имеются лишь в статьях и книгах С. М. Абрамзона³, где можно найти перечисление, а в некоторых случаях и краткое разъяснение отдельных видов национальных развлечений; иногда дается оценка исторического места развлечений в культурном наследии киргизов. С. М. Абрамзон была предпринята также попытка предварительной группировки (классификации) национальных развлечений на основе их соотнесения с возрастными группами:

¹ Под термином «развлечения» мы понимаем самые разнообразные рациональные средства проведения досуга: игры, состязания, зрелища, народные виды спорта и т. п.

² См. П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Путешествие в Тянь-Шань в 1851—1852 гг. М., 1947; «Первая поездка на Тянь-Шань и Небесный хребет до верховьев реки Яксарт или Сырдарья Действительного члена П. П. Семенова в 1857 г.» — В кн.: «Вестник Императорского Русского географического общества», ч. 23, II отд., СПб., 1858; Н. В. Сорокин. В горах и долинах русского Тянь-Шаня. — «Исторический вестник», май — июнь 1886 г.; Ч. Валиханов. Избранные произведения. Алма-Ата, 1858; И. И. Гродеков. Киргизы и каракиргизы Сырдарьинской области, т. I. — «Юридический быт», Ташкент, 1889; Н. Северцев. Путешествие по Туркестанскому краю и исследование горной системы Тянь-Шань по поручению Русского географического общества. СПб., 1873; В. И. Липский. По горным областям русского Туркестана (Тянь-Шань). СПб., 1906, и др.

³ С. М. Абрамзон. Творчество киргизского народа. В сб.: «Советская этнография», т. III, 1940; *его же*. Черты военной организации и техники у киргизов (по историко-этнографическим данным и материалам эпоса «Манас») — «Труды Ин-та языка, литературы, истории Киргизского филиала АН СССР», вып. 1, Фрунзе, 1945; *его же*. Этнографические сюжеты в киргизском эпосе «Манас». — «Сов. этнография», 1947, № 2; *его же*. Очерки культуры киргизского народа. Фрунзе, 1946; *его же*. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971.

игры детей, игры молодежи, игры взрослых и т. д. В особую группу С. М. Абрамзон выделил массовые увеселения и зрелища, исторически связанные с условиями походной жизни. В основном они носили пережиточный характер, являясь в прошлом составным элементом культовых церемоний⁴. Однако проблема народных развлечений в целом оставалась за пределами внимания этнографов, хотя она несомненно представляет интерес при изучении культуры киргизов, а также их этногенеза и этнической истории.

Задача настоящей статьи — выделить и в самых общих чертах раскрыть наиболее характерные моменты бытования киргизских национальных развлечений в дореволюционный период (главным образом в конце XIX — начале XX в.). В основу работы положены публикации дореволюционных и советских исследователей, полевые материалы, собранные автором в различных районах Киргизской ССР, а также архивные материалы рукописных фондов Отделения общественных наук АН Киргизской ССР.

Тематика многих киргизских развлечений, их аксессуаров, особенности бытования свидетельствуют о том, что они возникли и развивались у скотоводческого народа, который вел кочевой образ жизни. Наиболее ярким показателем этого является популярность и широкое распространение в Киргизии разнообразных видов конного спорта, состязаний и игр, т. е. тех видов развлечений, непосредственным участником которых являлся конь, имевший исключительно важное значение в хозяйственной жизни скотоводов-кочевников.

К концу XIX в. у киргизов имелось более десяти различных видов конных игр и состязаний. Это прежде всего разнообразные скачки: *тай чабыш* — скачки на жеребятках в возрасте моложе двух лет, *кунан чабыш* — скачки на молодых лошадках-трехлетках и *ат чабыш* — несколько видов скачек на взрослых лошадках. Наиболее популярны в последнем виде развлечений *чон ат чабыш* (или *аламан байге*) — обязательный атрибут большой тризны *аш*, устраивавшейся через год после смерти богатого и знатного человека.

Подготовкой лошадей к скачкам, а также наставлением наездников занимались тренеры — *саяпкеры*, хорошо знавшие беговые качества лошади и владевшие искусством подготовки скаковых лошадей к состязаниям. Необходимые для этого сведения издавна накапливались в памяти скотоводов-кочевников и передавались в изустной традиции из поколения в поколение. Навыки ремесла саяпкеров, как правило, передавались по наследству от отца к сыну, от деда к внуку. Саяпкер был почти в каждом ауле или по крайней мере в каждой родовой группе. Выиграть скачку считалось большой честью для владельца лошади, для наездника и в особенности для тренера. Профессия эта у киргизов была весьма популярной и уважаемой. Имена некоторых саяпкеров были известны далеко за пределами Киргизии.

Говоря о конных состязаниях, нельзя не упомянуть такие любимые киргизами виды развлечений, как: *оодарыш (эниш)* — борьба двух всадников, цель которой стащить соперника с седла; *жабмы атыш* — стрельба на полном скаку по подвешенной на длинном шесте мишени; *тыйын энмей* — джигитовка, во время которой всадник на полном скаку должен был поднять монету с земли, *кыз куумай* — состязание между юношей и девушкой в умении ездить верхом; *жорго салыш* — скачки на иноходцах и некоторые другие. Все эти виды состязаний в конце XIX — начале XX в. были у киргизов наиболее популярны.

Печать скотоводческого быта, кочевого образа жизни несли на себе и другие виды игр, бытовавшие в народе. Сюжеты некоторых из них отражали наиболее характерные ситуации повседневной жизни ското-

⁴ С. М. Абрамзон. Творчество киргизского народа, с. 82.

водов-кочевников. Довольно распространенным сюжетом, в особенности в молодежных и детских играх, была охрана овечьего стада или табуна лошадей от нападения хищников. Характерна в этом отношении популярная детская игра *карышкыр оюун* (букв. «волчья игра», «игра волков»). В ней участвовали до 30 мальчиков и девочек не старше 13 лет. Они делились на три группы: самая малочисленная — «волки», средняя по количеству участников — «пастухи» — *койчулар*, наиболее многочисленная — «овцы». На ровном месте очерчивался большой круг, который изображал загон для овец — *кой короо*, в котором находились «овцы». Снаружи располагались «пастухи». Их задача — не допускать «волков» к «овцам». «Волки» старались обмануть пастухов, обойти их и вытащить как можно больше «овец» за пределы круга. «Овцы» же в свою очередь старались поймать как можно больше «волков» и втащить их в загон. «Пастухи» помогали им. Пойманная «овца» становилась «волком» и наоборот. Игра продолжалась до тех пор, пока все участники не становились либо «овцами», либо «волками»⁵.

Воспроизведением в игровой форме различных ситуаций из скотоводческого быта являлись и такие игры, как — *зшек минмей* (букв. «запрывание на ишака»), *токту сурамай* (букв. «выпрашивание телки»), *уйчу* — коровий пастух, *таман тузак* — силки (букв. «силки для ног») и ряд других.

Сюжеты многих игр утратили черты непосредственной связи со скотоводческим бытом, однако о ее наличии свидетельствуют их названия: *кёк бука* — игра в лунки (букв. «голубой бык») или *кызыл бука* — чехарда (букв. «красный бык»).

Названия домашних животных широко фигурируют в играх киргизов. Так, выигранное или проигранное очко во многих играх называется *тай* — жеребенок, жеребьевка — *ат кармоо* (букв. «держание лошади, удержание лошади»), а жеребьевка при игре в альчики (косточки, с помощью которых бросается жребий) называется *ат калчашоо* (букв. «определение первой лошади»). Сам альчик именуется *күлүк ат* — скакун, скаковая лошадь. Человек, который по тем или иным причинам выбыл из игры, называется *чок байтал* (букв. «кобылица со стриженной холкой») и т. п.⁶

Интересно, что в некоторых играх в качестве предмета игры служила туша домашнего животного или ее части. Так, в игре-состязании *кёк бөрү* предметом игры служит туша козленка — *улак*, на юге Киргизии туша теленка — *торпок*, что и дало, по-видимому, этой игре и другое название — *улак тартыш* или *торпок тартыш* (букв. «таскание козленка», «таскание теленка»). Обязательным атрибутом другого часто устраивавшегося на крупных торжествах (*той* или *аш*) развлечения — *ёпкё чабыш*, *ёпкё уруш* (букв. «бой», «драка с помощью легких») служили легкие какого-нибудь домашнего животного (овцы, лошади, козла), которого специально закалывали перед самым состязанием. Во время состязания двое раздетых по пояс мужчин наносили друг другу удары по голове или туловищу этими легкими. Каждый старался заставить соперника покинуть поле сражения.

Большое развитие получили у киргизов игры с бараньими коленными косточками — *чукё-альчики*. В наши дни особенно популярна спортивная игра *ордо* (букв. «ханский дворец», «юрта хана»). С. М. Абрамзон считает, что в основе ее сюжета лежит как бы «бой за захват ханской ставки»⁷. Цель игры — выбить из очерченного на земле большого круга

⁵ Рукописные фонды Отделения общественных наук АН Киргизской ССР, инв. № 1905, с. 45, 46.

⁶ Полевые записи автора, № 28 и 32 (Здесь и ниже — ссылки на сведения, собранные во время экспедиционных поездок в Киргизскую ССР в 1973—1974 гг. Полевые записи хранятся у автора).

⁷ С. М. Абрамзон. Творчество киргизского народа, с. 82.

расположенные в его центре бараньи альчики. В силу сложности правил и множества ограничений, вводимых для участников, игра эта требует большой ловкости и сноровки. Победитель, как правило, получает приз (одну или несколько голов скота).

Обращает на себя внимание и тот факт, что на всех крупных состязаниях победители почти всегда получали в награду скот. В начале XX в. в качестве приза стали давать дорогую одежду, утварь и денежные суммы. Однако преобладала старая традиция назначать призы скотом. Выше всего ценились верблюды, затем лошади и потом уже овцы. Крупный рогатый скот включали в состав приза только, когда хозяева праздника не имели возможности выдать приз другими видами скота⁸. В этом также сказывается традиционный, сугубо кочевнический взгляд на крупный рогатый скот как на что-то менее ценное, чем верблюды, лошади и овцы.

Игры киргизов хорошо приспособлены к условиям кочевой походной жизни. Они, как правило, просты не только по содержанию, но и по оформлению. Для их устройства не нужно специального и тем более громоздкого оборудования или особо отведенного места. Все необходимое для устройства того или иного развлечения у кочевника всегда под рукой.

Зарождение и развитие многих видов развлечений киргизов было связано с повседневными хозяйственными нуждами скотоводов и их мировоззрением, в силу чего в конце XIX — начале XX в. национальные виды развлечений стали существенным элементом народной системы трудового воспитания, одним из средств подготовки молодого поколения к хозяйственной деятельности.

Не следует, однако, забывать, что «...вплоть до самого включения Киргизии в состав России основным фоном, на котором разворачивались важнейшие события политической и общественной жизни киргизов, были войны, набеги и столкновения»⁹. Еще в середине XIX в. межплеменные столкновения были реальностью. По свидетельству С. М. Абрамзона, «суровый военный быт не мог не накладывать своего отпечатка на многие стороны материальной культуры, хозяйственный уклад, общественные отношения, народное сознание киргизов»¹⁰. Не случайно некоторые виды национальных развлечений приобрели явно выраженный военнизированный характер. Такие виды народных спортивных состязаний, как *эр сайыш* (единоборство двух всадников на пиках), *жамбы атыш*, *оодарыш*, *тайын энмей*, *балбан күүрөш* — пешая борьба, а также все разновидности конных состязаний вплоть до середины XIX в., помимо развлекательного и общевоспитательного, сохраняли еще и специфическое военно-прикладное значение.

Киргизских детей с самого раннего возраста готовили к встрече с врагом¹¹. Одним из важных средств воспитания будущего храброго и умелого воина были киргизские национальные игры и состязания, которые вырабатывали ловкость, смелость, выносливость и сообразительность. Эта система воспитания начиналась с детских подвижных игр. По мере возмужания будущего воина перед ним через игры ставились все более и более сложные задачи. Мы имеем некоторые основания говорить о народной, стихийно сложившейся, а в отдельные периоды истории, возможно, и сознательно культивируемой системе воспитания воина-конника с помощью национальных игр и народных видов спорта. Такая форма подготовки, по всей видимости, наилучшим образом отвечала особенностям киргизского войска, которое было организовано по принципу народного ополчения¹².

⁸ Полевые записи автора, № 18.

⁹ С. М. Абрамзон. Киргизы..., с. 167.

¹⁰ Там же, с. 163.

¹¹ С. М. Абрамзон. Черты военной организации..., с. 179.

¹² С. М. Абрамзон. Очерки культуры..., с. 44.

Основу киргизского войска составляла легкая конница¹³. Среди конных видов состязаний и игр наиболее военизированный характер носило устраиваемое преимущественно во время годовых поминок единоборство двух мужчин-всадников на пиках — *эр сайыш*. В конце XIX — начале XX в. это состязание было обязательным атрибутом любого киргизского аша; в некоторых случаях оно устраивалось и во время крупного тоя, что, по-видимому, было уже отступлением от сложившихся традиций. Наши информаторы говорили о том, что в середине и даже в конце XIX в. во время эр сайыш часто проливалась кровь, так как воины выходили на поединок с боевыми пиками. К концу века во время эр сайыша все чаще использовались турнирные копыя. К этому времени относится, по-видимому, и установление правил для эр сайыша, согласно которым удар тупым копьём можно было наносить только в грудь (удары ниже пояса, в спину или в лицо были запрещены). К этому же времени боевые доспехи стали заменять турнирными: грудь участника состязания покрывалась толстым слоем войлока, поверх которого одевался своеобразный панцирь — *соот*, изготовлявшийся из коровьей или лошадиной кожи — *булгары*. Однако эти импровизированные доспехи не всегда защищали участников поединка от увечий и даже гибели. Жестокий характер этого состязания, сохранившийся и в конце XIX в., несомненно был отзвуком той суровой военной эпохи, которая его породила. Эр сайыш прекратил свое существование лишь к самому началу XX в., когда он был официально запрещен царской колониальной администрацией¹⁴.

Большая популярность конных видов развлечений была связана также с исключительно важной ролью коня в военной походной жизни, особенно, в бою. Подготовка к походу, отмечал С. М. Абрамзон, требовала не только изготовления снаряжения. Огромное место в ней занимала подготовка боевых коней и их тренировка к длительным переходам, обучение для использования в бою¹⁵. Таким образом, все виды конных развлечений способствовали не только воспитанию воина, но и выработке необходимых качеств боевого коня: выносливости, скорости, маневренности, безукоризненного подчинения поводу и т. д.

У киргизов существовал своеобразный культ коня, что отчетливо отразилось в произведении устного народного творчества и, в частности, в эпосе «Манас»¹⁶. В киргизском войске были особого рода специалисты — знатоки боевых качеств воинов и верховых лошадей — *сынчы*¹⁷. Они выступали так же как прорицатели, пророки, якобы способные заранее предсказать исход того или иного сражения. По утверждению некоторых наших информаторов, люди становились профессиональными сынчы по велению духов¹⁸. Сынчы имели, по-видимому, много общего с шаманами *бахшы*, гадалками на лопатке — *далычы* и др.

Однако к концу XIX в. их профессия уже в значительной степени утратила присущий ей в прошлом религиозный оттенок, а знания и опыт получили ограниченное, более специфическое использование. В условиях мирной жизни сынчы превратились главным образом в специалистов по отбору и подготовке лошадей к скачкам. Они часто совмещали в себе две бывшие некогда самостоятельными специальности: собственно сынчы — знатоков скаковых качеств лошадей и саяпкеров — мастеров подготовки лошадей к скачкам.

Об исторической связи народных спортивных состязаний с военным прошлым киргизского народа свидетельствует и ряд других моментов,

¹³ С. М. Абрамзон. Черты военной организации..., с. 168.

¹⁴ Д. Айтмамбетов. Культура киргизского народа во второй половине XIX — начале XX в. Фрунзе, 1967, с. 160.

¹⁵ С. М. Абрамзон. Черты военной организации..., с. 175.

¹⁶ С. М. Абрамзон. Киргизы..., с. 175.

¹⁷ С. М. Абрамзон, Черты военной организации..., с. 171.

¹⁸ Полевые записи автора, № 33, 45 и 50.

характерных для их бытования в конце XIX — начале XX в. Так, многие состязания на крупных торжествах, как правило, сопровождались игрой на музыкальных инструментах и пением народных певцов-сказителей — *ырчы*. Содержание многих песен и мелодий имело сугубо военный характер. Да и сами инструменты *кыяк*, *керней*, *сурнай*, *добулбас*, по всей вероятности, когда-то широко использовались в военном быту, были неотъемлемым элементом воинского церемониала¹⁹.

О былой связи национальных развлечений с военным делом напоминает и царившая на крупных киргизских празднествах атмосфера торжественности, героической приподнятости, своеобразного эпического пафоса. Этому в значительной мере способствовал продолжавший процветать в народе культ героев-богатырей. В конце XIX — начале XX в. объектом народного почитания стали победители крупных состязаний по ат чабыш, оодарыш, балбан кўрөш и в особенности по эр сайышу.

Интересно отметить, что у киргизов вплоть до конца XIX — начала XX в. сохранялась традиция участия женщин в таких сугубо мужских видах состязаний, как оодарыш, балбан кўрөш, эр сайыш, а также участие девушек и женщин в особых скачках — *кыз жарыш*, *келин жарыш*.

О том, что среди киргизов-воинов встречались женщины-богатырши, свидетельствуют произведения народного поэтического творчества, в частности эпос киргизов «Манас», а также эпосы других народов Средней Азии и Казахстана. По всей видимости, состязания женщин в некоторых мужских видах спорта, широко распространенные в прошлом, со временем стали лишь отмирающей традицией. Такого рода состязания продолжали устраивать лишь на особо крупных торжествах. Женщины выходили на арену после выступления мужчин и состязались по тем же видам программы. В некоторых случаях единоборство женщин носило шуточный характер и встречалось веселым смехом зрителей, но иногда борьба принимала острый и подчас жестокий характер. Победительница получала приз скотом или деньгами. Правда, призы на женских состязаниях были гораздо скромнее, чем на мужских²⁰. Участницы воинских состязаний назывались в народе *балбан кыз*, *балбан келин* (девушка-силач, женщина-силач). Иногда женщины отваживались даже вызывать на поединок мужчин и в схватке с ними одерживали победу²¹.

Об особом положении женщин у кочевников Средней Азии свидетельствуют такие не раз отмечавшиеся исследователями факты, как относительная свобода и самостоятельность, которыми они пользовались в повседневной жизни. Известны случаи, когда в родословную включались женские имена²² или же женщины становились главами тех или иных родовых подразделений после смерти мужей²³. Исследователи считали подобные факты отголосками очень древних форм социальной и воинской организации народов Средней Азии, в частности матриархата. Нам важно отметить, что у киргизов примеры участия женщин в военизированных видах состязаний наряду с мужчинами мы находим не только в эпической традиции, но и в самой жизни. Участие женщин в богатырских развлечениях преимущественно во время больших годовых поминков — аш, на наш взгляд, дает основание говорить о былом ритуальном назначении этих развлечений, восходящих к традициям древнего похоронного церемониала.

Рассмотренные нами военизированные виды народных развлечений к концу XIX — началу XX в. стали по существу народными видами спорта, и лишь некоторые черты их бытования продолжали напоминать о

¹⁹ Д. Айгмамбетов. Указ. раб., с. 133, 139, 140—142.

²⁰ Полевые записи автора, № 14, 23, 31, 40 и др.

²¹ Там же, № 27.

²² С. М. Абрамзон. Киргизы..., с. 50.

²³ Там же, с. 51.

той эпохе, когда они непосредственно служили интересам военного времени.

Следует сказать о воспитательной и развлекательной стороне тех развлечений, которые широко бытовали в народе и функционирование которых не было ограничено только религиозными праздниками. Такие развлечения, не связанные условностями обрядовости, могли устраиваться в любое время года при любых благоприятных обстоятельствах. Их главным назначением было полезное, веселое и интересное проведение досуга с вытекающими отсюда воспитательными функциями. Эту категорию мы называем собственно развлечениями; в нее входят все детские игры, часть молодежных, а также подавляющее большинство игр в альчики.

В то же время наиболее популярные виды спорта, игры и увеселения были преимущественно связаны с родовыми и семейными праздниками, часть которых носила религиозный характер. К таким праздникам могут быть отнесены: серия поминальных торжеств, завершавшаяся большими годовыми поминками — *чон аш*; цикл свадебных торжеств, самым крупным из которых был большой свадебный пир — *ййлёнү той*; торжество по поводу укладывания новорожденного в колыбель (*бешик*) — *бешик той*; праздник, связанный с первыми самостоятельными шагами ребенка, — *тушоо кести той*; семейный праздник, посвященный первому самостоятельному выезду мальчика верхом, и ряд других. Во время этих семейных и родовых праздников устраивались самые разнообразные игры, состязания и увеселения.

Достаточно отчетливо пережитки киргизских национальных развлечений обрядового назначения, восходящих к некогда существовавшим религиозным культам и верованиям, проявляются в характере бытования некоторых игр и состязаний, проводившихся во время свадебных торжеств, сопровождавших сватовство, выплату калыма, добрачные посещения невесты женихом, а также большой свадебный пир. Например, как уже было сказано выше, обязательным атрибутом свадебных тоев была распространенная и у многих других народов Средней Азии игра *кёк бёрү*, занимавшая в их развлекательной программе одно из главных мест. Известно два ее вида — собственно *кёк бёрү* и так называемая *чаб улак*. Первая представляла собой темпераментную спортивную игру, привлекавшую большое число зрителей и участников. Состязались роды жениха и невесты. Победившей стороне отец невесты назначал большой приз. Второй вариант игры — *чаб улак*, хотя в нем и присутствовал игровой элемент, скорее носил обрядовый ритуальный характер. *Чаб улак* устраивалась джигитами из рода жениха, когда они направлялись на большой свадебный той в аил невесты. Игра носила в значительной мере условный характер, так как целью играющих было не столько завладеть тушей козленка, сколько донести ее до аила невесты и бросить у ног (или юрты) отца невесты, выразив ему таким образом свои благопожелания и уважение. Джигит, бросивший козленка к его ногам, получал в подарок скот, деньги, одежду. В этой разновидности *кёк бёрү* не было противоборствующих родовых групп.

На историческую связь *кёк бёрү* с древним свадебным ритуалом и тотемистическими представлениями указывал еще С. П. Толстов²⁴. Интересно отметить, что у киргизов в конце XIX — начале XX в. *кёк бёрү*, став уже собственно развлечением, все еще продолжала сохранять ритуальное назначение. Это видно из того, что, во-первых, *кёк бёрү* являлась специфической чертой прежде всего свадебных праздников, и во-вторых, одна из ее разновидностей имела явно обрядовое значение.

²⁴ С. П. Толстов. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. — «Проблемы истории докапиталистических обществ», № 9—10, М.—Л., 1935, с. 14, 15, 20, 21, 23 и др.

Не менее отчетливо пережитки религиозных культов проявлялись и в церемониале торжеств, посвященных культу предков, а именно в серии поминок, которые завершались большой годовой тризной — *аш* (*чон аш*). Годовые поминки были одним из важных и наиболее значительных событий в религиозной и общественной жизни киргизов и устраивались с особенной пышностью. На тризну по богатому и знатному человеку собирались гости со всех районов Киргизии, а иногда и из пограничных с ней районов Средней Азии. Иногда на тризне присутствовало несколько десятков тысяч человек. Большое место в программе такого рода торжеств занимали самые разнообразные развлечения. Строго определенный подбор их и последовательность включения в программу свидетельствовали о том, что некогда эти развлечения имели важное обрядовое значение.

Большие годовые поминки открывались скачками *кемеге байге*, в которых по традиции принимали участие малоизвестные или средних достоинств скакуны. Состязания приурочивались ко времени устройства многочисленных очагов для варки мяса (*кемеге* — очаг, выкапываемый в земле). Кемеге байге устраивали только во время больших поминок, что говорит о прежнем культовом назначении этих скачек, которыми исчерпывалась развлекательная программа первого дня поминок. В последующие дни (их могло быть десять и более) в указанном ниже порядке проводились: *жамбы атыш*, *ёпкё чабыш*, *балбан кўрёш*, *тёё чечмей* (отвязывание обнаженной женщиной верблюда от колышка). Во всех случаях тризна заканчивалась большими скачками — *чон ат чабыш* или *аламан байге*, которые составляли венец всей развлекательной программы. В них участвовали самые лучшие скаковые лошади, известные своими победами на других крупных состязаниях. Многие наши информаторы, ссылаясь на высказывания своих отцов и дедов, говорили, что раньше аламан байге устраивалась только во время большого аша. Их начали иногда включать в программу других торжеств только со второй половины XIX в. Указания на частые случаи отступления в конце XIX — начале XX в. от установленных традицией правил устройства религиозных торжеств, и в частности, больших поминок, имеются и в литературе²⁵. В программу поминок, в особенности на юге Киргизии, стали включаться такие нехарактерные для поминальных торжеств развлечения, как *ит тартыш* — перетягивание каната, *аталага баш сал* — шуточное развлечение, во время которого необходимо было со дна котла, наполненного просяной болтушкой, достать губами монету, и даже *кёк бёрү*, включение которых в программу аша строго запрещалось традицией. Частично это «было связано с утратой значения культа предков, одной из причин чего было влияние исламской идеологии на традиционные языческие верования и культы»²⁶.

Таким образом, в бытовании некоторых киргизских национальных развлечений имелись пережитки, позволяющие предположить их тесную связь в прошлом с религиозным культом. Об этом прежде всего свидетельствует приурочение к конкретным религиозным праздникам, например к годовым поминкам, а также строгая соотнесенность развлечений, хотя и утративших реальное обрядовое содержание, с определенными этапами церемониала этих торжеств. Такого рода развлечения мы относим к категории развлечений, связанных с обрядностью.

На характер бытования некоторых видов развлечений наложили свой отпечаток и древние формы социальной организации, в частности отдельные брачные институты. Наиболее показательны в этом отношении развлечения, характерные для большого свадебного тоя (*кыз той* или *уйлөнү той*). С. М. Абрамзон отмечал: «Накануне и во время этого сва-

²⁵ Д. Айтмамбетов. Указ. раб., с. 181.

²⁶ С. М. Абрамзон. Очерки культуры..., с. 52.

дебного пира совершались обрядовые действия, восходящие как к древним социально-брачным институтам, так и к религиозно-символическим и магическим представлениям. Свадебное торжество сопровождалось зрелищами и увеселениями, содержащими много игровых, песенно-музыкальных и состязательных элементов»²⁷. Подчас обрядовая и развлекательная стороны свадебного церемониала сочетались в одном и том же действии, так что разграничить эти две стороны не представляется возможным. Подобные действия были, по-видимому, переходной ступенью между обрядом как таковым и игрой, развлечением.

Примером такого рода полуигры-полуобряда может служить свадебное развлечение *тёшёк талашуу* (букв. борьба за коврик — *тёшёк*). Развлечение это завершало большой свадебный той и происходило в аиле невесты перед ее отъездом. Носило оно характер состязания (борьбы) между молодыми мужчинами со стороны жениха и молодыми женщинами со стороны невесты. Иногда в нем принимали участие и представители старшего поколения. Перед началом состязания глубоко в землю врывали один конец толстого волосяного каната (аркан), за другой брались мужчины и старались вытащить его из земли. Женщины стремились помешать мужчинам, для чего обливали их водой, смешанной с золой, и наносили удары с помощью скрученных из материи жгутов (*токмок*). Победившей стороне отец невесты вручал приз (одну или несколько голов скота). Скот этот тут же резали и устраивали совместную трапезу. Как правило, победу одерживали мужчины. Этот вид развлечения, как и проводившаяся во время свадебных празднеств игра — перетягивание сторонниками жениха и сторонниками невесты (соответственно мужчинами и женщинами) привязанных друг к другу жениха и невесты, имевшая ярко выраженное свадебно-ритуальное назначение, олицетворял «борьбу между родом жениха и невесты, иначе, противоречие между укрепляющимся патриархальным укладом и отстаивающим свои позиции архаическим строем семейно-брачных отношений»²⁸.

Ряд характерных для *тёшёк талашуу* признаков свидетельствует, что это развлечение находится на переходной стадии от обряда к собственно игре. Об этом говорит участие в игре преимущественно молодежи, веселый шуточный характер игры, обрядово-символическое содержание развлечения, строгая связь со свадебными церемониями. Такого рода развлечения мы относим к категории развлечений — обрядов.

Накладывали свой отпечаток на киргизские национальные развлечения и пережитки патриархально-родового строя, которые, несмотря на классовый характер киргизского общества, продолжали влиять на многие стороны хозяйства и идеологии киргизов.

Представители противоборствующих сторон в том или ином состязании всегда принадлежали к разным родовым группам. Этот принцип соблюдался во всех родовых подразделениях, начиная от семейно-родственной группы и кончая племенем.

Пережитком родовых традиций было и правило, согласно которому победитель часть приза, а иногда и весь приз обязан был раздать своим сородичам, соплеменникам. Подобные факты приводит П. И. Кушнер в своей книге «Горная Киргизия»: «Во время борьбы (из-за козла) партии противников создаются по родовому принципу: призы, полученные на праздниках, делятся между сородичами, а не в пользу победителя... Интересы рода в первую голову, а истина — во вторую. С этим явлением все время приходится считаться в киргизском быту...»²⁹. То же самое, но в отношении казахов отмечает И. И. Гродеков. Он писал, что на крупных тоях и ашах видим прежде всего «не состязания личностей, а родов», причем «приз получает не победитель, а род его, который делит

²⁷ С. М. Абрамзон. Киргизы..., с. 231, 232.

²⁸ Там же, с. 234.

²⁹ П. Кушнер. Горная Киргизия. М., 1929, с. 80.

приз между собой или же раздаривает его остальным родам. Поэтому на байге (на скачках.—Г. С.) кричат боевые кличи своих родов»³⁰. Правило делиться выигранным призом со своими сородичами существовало по всей территории Киргизии. Особенно строго ему следовали во время конных состязаний *ат чабыш*, призы на которых достигали больших размеров. Исключением было только состязание-единоборство *эр сайыш*. В этом виде состязаний победитель имел право забрать весь приз целиком себе. Такое отклонение от традиционного обычая, видимо, связано с тем, что участник поединка подвергал себя большому риску.

К пережиткам родовых традиций в устройстве развлечений относился и обычай, согласно которому во время крупных состязаний, затрагивавших престиж того или иного родового подразделения, представителя, вызвавшегося отстаивать его честь или, что характерно, вынужденного участвовать в состязаниях под давлением общественного мнения, снабжали всем необходимым (одеждой, лошадью, конским снаряжением и другим игровым инвентарем) из общих средств его родовой группы³¹. А перед началом состязания участник обращался за благословением и пожеланием удачи ко всем присутствовавшим сородичам.

Отмеченные традиции носили в целом положительный характер и способствовали успешному развитию национальных видов развлечений.

Вместе с тем в организации развлечений можно отметить и ряд отрицательных сторон. Многие из них связаны с устройством развлечений в рамках родовых традиций. Так, существовавшие вплоть до начала XX в. межродовые неприязнь и вражда мешали честному соперничеству и омрачали атмосферу народных торжеств. Участники состязаний порой нарушали установленные правила игры, пускались на недозволенные хитрости, что в свою очередь осложняло обстановку и иногда приводило к вооруженным конфликтам.

П. И. Кушнер приводит факты, свидетельствующие о том, что родовые традиции ограничивали возможность участия в родовых торжествах представителей неродственных групп: «В общественной жизни, — пишет он, — такие чужаки не выделяются из среды остальных жителей аула (в этом, между прочим, сказывается уже упадок родовых традиций и родовой системы), но во время больших родовых праздников их всячески изолируют: в обращении с ними чувствуется тогда даже легкое презрение, так как киргиз не уважает людей, затрудняющихся точно указать род, ветвь и колено, от которого происходят он и его близкие»³².

Следует отметить и так называемые *чыгым* и *кошумча* — формы материального участия в устройстве родовых праздников. Чыгым — это материальный вклад родственников и сородичей организатора семейного праздника или родового торжества в его устройство. Кошумча — это подарки и подношения в виде скота, дорогих вещей или денег, которые привозили хозяину сородичи и соплеменники-гости. Кошумча и чыгым шли на угощение для гостей и на призы участникам разнообразных состязаний. Когда-то это были формы родовой взаимопомощи, материальное выражение родового единства.

К концу XIX — началу XX в. киргизское общество уже стало классовым. По мнению П. Погорельского и В. Батракова, аш и той родовыми были лишь в отдаленные времена, когда существовал «допотопный» род, т. е. организация, замкнутая в себе не только экономически, но и идеологически; когда существовала родовая религия (родовой культ) «только для членов рода» и, в частности, культ «предков», когда сородичи собирались на родовое жертвоприношение и празднество³³.

³⁰ И. И. Гродеков. Указ. раб., с. 254.

³¹ Полевые записи автора, № 52, 71, 80.

³² П. Кушнер. Указ. раб., с. 17.

³³ П. Погорельский, В. Батраков. Экономика кочевого аула Киргизстана. М., 1930, с. 162.

К концу XIX в. устройство крупных национальных торжеств носило уже явно выраженный классовый характер, что непосредственным образом сказывалось и на организации народных развлечений. Манапско-байская верхушка узурпировала к этому времени родовое право на празднества и развлечения и использовала его в своих корыстных интересах. Исследователями неоднократно отмечалось, что одной из главных причин, побуждавших баев и манапов устраивать пышные празднества, было неприкрытое стремление к личному обогащению. Собранный скот и подарки, полученные от кошумча и чыгым, далеко не в полной мере шли на угощение гостей и призы победителям игр и состязаний. Значительная часть их умножала стада и другие богатства устроителей праздника. Таким образом, несмотря на большие затраты устроитель пышного торжества в конечном итоге всегда оказывался в выигрыше.

Не последнее место при организации праздников играло стремление феодалов укрепить среди соплеменников свой авторитет, прослыть хранителями и блюстителями родовых традиций, что в конечном итоге служило укреплению политического престижа с вытекающей отсюда возможностью держать в повиновении подвластное тому или иному феодалу население. Крупное торжество часто превращалось в грабеж рядовых скотоводов не только со стороны богача-устроителя, но и богача-гостя. Вот что пишет об этом Д. Айтмамбетов: «Немало мучали «сородичей» баев и манапов приемы во время ашей так называемых «обязательных гостей». Если хозяин юрты, где они останавливались, в чем-то «провинялся», гости даже избивали его. В отдельных случаях дело доходило до того, что под видом мщения за недостойный прием эти обязательные гости тут же садились на коней и отправлялись домой, угоняя по пути скот данного айла»³⁴.

Устройство празднества с многодневным угощением и разнообразными развлечениями и богатыми призами, формальная возможность для каждого киргиза участвовать в этих торжествах, их религиозно-культурное назначение — все это, сохраняя видимость общеродового характера праздника, скрывало от широких масс его эксплуататорскую сущность. Поэтому несмотря на то, что такие празднества буквально разоряли скотоводов, имевших десятков или два баранов, бесскотная беднота, только и живущая от праздника к празднику, встречала их криками восторга. «Это большое зло, которое трудно учесть непосвященному, трудно представить такой, на первый взгляд странный, блок полярных групп кочевий»³⁵.

Следуя своим классовым интересам, баи и манапы подчас только создавали видимость того, что они поддерживают обычаи предков. В действительности они часто нарушали традиционный ритуал устройства родовых торжеств. В частности, как отмечает Д. Айтмамбетов, «по народному обычаю, в более ранний период (до середины XIX в.— Г. С.) байга устраивалась исключительно на поминках по покойному, но впоследствии обычай этот стал нарушаться богачами (манапами), устраивающими байгу при всяком благоприятном случае, например по случаю рождения первенца-сына, после удачных выборов и т. д.»³⁶. Часто нарушались и сроки устройства ашей, которые по традиции должны были собираться через год после смерти знатного человека³⁷.

Отклонение от сложившегося ритуала, а также устройство развлечений вне установленных традицией дат в какой-то степени способствовали

³⁴ Д. Айтмамбетов. Указ. раб., с. 185.

³⁵ В. Карп, В. Сулов. Современный кишлак Средней Азии (социально-экономический очерк). Быстрореченская волость Фрунзенского кантона Киргизской АССР, вып. VIII. Фрунзе, 1934, с. 28.

³⁶ Д. Айтмамбетов. Указ. раб., с. 181.

³⁷ Полевые записи автора, № 13 и 21.

освобождению народных развлечений от условностей обрядовости, а следовательно и приводило к более свободному их функционированию. Кроме того, среди манапско-байской верхушки появилось стремление целенаправленно, сознательно культивировать некоторые виды народного спорта. Известны случаи, когда манапы и бай, одержимые спортивным азартом, честолюбивым стремлением непременно выиграть состязание у представителей другого, часто враждебного рода, становились «меценатами» того или иного вида спорта. Они содержали на свои средства наиболее способных борцов, *оодарышыстов* и *эр сайышыстов*, освобождали их от тяжелой работы, кормили, предоставляли возможность часто выступать на крупных состязаниях, снабжали одеждой, лошадьми и необходимым снаряжением. Такие случаи встречались сравнительно часто и несомненно способствовали развитию народных видов спорта. Однако судьба таких спортсменов-профессионалов целиком зависела от прихоти феодала-мецената. И горе было тому из них, кто проигрывал какое-либо важное для патрона состязание.

Главными героями большинства развлечений были люди из народа, в значительной мере определявшие их содержание. Но бедняцкие и середняцкие слои населения не имели материальной, а подчас и моральной возможности самостоятельно устраивать торжества и участвовать во многих видах состязаний согласно сложившейся традиции. Покупка, содержание и тренировка хорошего породистого скакуна, например, требовали значительных материальных средств, которых, естественно, не имела беднота. Приходилось обращаться за помощью к богачу, что подчас вело устроителя праздника к полному разорению, а иногда и закабалению.

*
* * *

Подведем итог всему сказанному. Киргизские национальные развлечения сформировались на основе скотоводческой кочевой среды. Они прежде всего отвечали интересам производственной, а в более раннее время — военной жизни киргизского общества. Являясь одним из главных средств развлечения и проведения досуга, они составляли существенный компонент народной системы воспитания подрастающего поколения.

Национальные виды развлечений прошли длительный путь исторического развития, в процессе которого многие из атрибутов ритуала, трансформировались в средства развлечения, в средства рационального проведения досуга. Однако процесс этот к началу XX в. не получил окончательного завершения. Многие виды национальных развлечений продолжали сохранять, подчас в пережиточной форме, связь с религиозно-культовым церемониалом и с церемониалом, восходящим к древним формам социальной организации, в частности к древним брачным обрядовым формам. Связь эта проявилась далеко не одинаково, в силу чего все рассматриваемые развлечения можно подразделить на три категории: развлечения-обряды, развлечения, связанные с обрядностью и, наконец, собственно развлечения.

Характерными признаками развлечений-обрядов были: продолжавшее сохраняться религиозно- и социально-символическое значение, их строгое функционирование в системе обрядов того или иного религиозного торжества, невозможность их устройства вне системы таких торжеств, наличие строго определенного места в обрядовой системе. В то же время развлечения этой категории имели характер игры, состязания.

Развлечения, связанные с обрядностью, большей частью приурочивались к какому-либо определенному религиозному

празднику. Однако связь эта в конце XIX — начале XX в. была не очень прочной, что выражалось в возможности устраивать их и в другое время. Такие развлечения постепенно утрачивали реальное обрядовое содержание, и их функционирование стало возможным параллельно и вне обрядовой ритуальной сферы.

Собственно развлечения — категория, в которую входят игры, состязания и увеселения, окончательно утратившие связь (а возможно, они и не имели таковой) с ритуальной, обрядовой сферой празднеств. Функционировали они независимо от этой сферы и являлись в полном смысле слова развлечениями, средством рационального проведения досуга и воспитания. Такие развлечения могли устраиваться независимо от того или иного религиозного праздника в любое свободное время. К этой категории относились главным образом детские игры и различные развлечения молодежи.

Связь национальных развлечений с обрядовой стороной — это не единственный фактор, который отрицательно влиял на их развитие, ограничивал возможности их функционирования и воспитательное значение. Губительное воздействие на сферу национальных развлечений оказывали также, с одной стороны, сохранявшиеся патриархально-родовые пережитки, а с другой — классовое расслоение. Патриархально-родовые пережитки вносили в бытование национальных видов развлечений дух местничества, взаимной неприязни и вражды, а также поддерживали существование жестоких традиций и видов развлечений, которые были опасны для человеческой жизни или унижали человеческое достоинство. Классовое расслоение породило заинтересованность феодальной верхушки в использовании национальных развлечений, традиций устройства народных празднеств в своих корыстных эгоистических интересах в качестве средства закабаления и политического подчинения рядовых скотоводов. Имущественное неравенство подчас лишало бедняков возможности участвовать в различных играх и состязаниях.

Устранение всех этих причин было не под силу отсталому патриархально-феодальному обществу кочевников-скотоводов. Для этого понадобилась коренная перестройка всего общественного строя, что стало возможным только с победой Великой Октябрьской социалистической революции.